

ДИСКУССИИ

УДК 159.9

Лытов Д. А.

ДИАЛОГ С КОЛЛЕГАМИ: НА КАКИХ УСЛОВИЯХ?

Ч.2: СОЦИОНИКА И ПСИХОЛОГИ

В статье рассмотрен вопрос о статусе соционики по отношению к психологии, а также причины разногласий с представителями других психологических школ и направлений.

Ключевые слова: методология, психология, соционика, теория, терминология, эксперимент, эмпирика, экстраверсия.

Чтобы устранить разногласие, надо его измерить.

Из научного фольклора

«Соционика — интердисциплинарная наука», и в то же время она является «разделом психологии личности» [8]. Предложенная А. В. Букаловым формулировка как нельзя точнее отражает нынешнюю двусмысленность и противоречивость отношений соционики с официальной психологией, с одной стороны, и с практикующими психологами — с другой.

В последние годы соционика вполне открыто преподаётся на психологических факультетах ряда вузов. Многие психологи применяют методы соционики в своей практической работе, хотя и не всегда это открыто афишируют. Ряд докладов на соционические темы прозвучал на прошедшем в июне 2003 г. съезде Психологического общества РАН в Санкт-Петербурге.

Тем не менее, контакты всё ещё проходят «со скрипом». Всё ещё существует взаимное недоверие между представителями «официальной психологии» и социониками, многие из которых осваивали психологию не в вузе, а самостоятельно. Между тем такие контакты необходимы; во-первых, потому что обмен опытом со смежными дисциплинами всегда полезен, во-вторых, многих социоников уже не удовлетворяет нынешнее состояние дел, когда соционика признана *de facto*, но ещё не *de jure*. Для проведения масштабных исследований в соционике необходима та материальная база, которую вполне могут позволить себе научные учреждения, но не могут — исследователи-одиночки. Но чтобы занять свое место в научном мире, нужно соблюдать принятые в нём правила этикета, нужно стать в этом мире «своим».

На наш взгляд, у разногласий есть несколько причин: *историческая, терминологическая, методологическая*, и наконец, собственно *психологическая*. Но как читатель увидит из представленного ниже анализа, многие из разногласий к настоящему времени либо уже изжиты, либо вполне решаемы. Поэтому своей статьей мы хотим пригласить к обсуждению всех заинтересованных.

При написании статьи много полезных замечаний и дополнений сделали люди, чьих тематика статьи затрагивала напрямую. Хотел бы поблагодарить за помощь студентку 4-го курса психологического факультета СПбГУ Инну Мишучкову, профессиональных психологов Валентину Мегедь (Киевская обл.), Виктора Таланова (Санкт-Петербург), Александра Тихонова (Днепропетровск), Татьяну Чекалову (Екатеринбург), а также Елену Бурину (Пермь), Данила Бухвалова (Екатеринбург), Виктора Ор(...)ского (Санкт-Петербург), Дмитрия Павлова (Киев), Марианну Стовпюк (Санкт-Петербург).

«Новая наука» — против «марксистско-ленинской науки»

Первый вопрос, на который необходимо ответить: всё же, соционика — это «отдельная наука» или же раздел психологии? Если выбрать первый вариант ответа — тогда почему практически все проблемы соционики пересекаются с ранее исследованными в психологии? Если же второй — почему соционика так долго существует в стороне от психологических факультетов и исследовательских учреждений?

Начнём с истории. К типологии Юнга А. Аугустинавичюте пришла не сразу, и на пути к созданию теории интертипных отношений она изучила (и требовала от других социоников такого же глубокого изучения) подходы и других авторов к типологии личности, к изучению индивидуальных различий и межличностных отношений, существовавшие в психологии к тому времени. Вот что писала об этом она сама: *«В поисках ответа на интересовавшие вопросы межчеловеческих отношений я проштудировала и даже тщательно конспектировала труды П. Ганнушкина, Э. Кречмера, З. Фрейда, О. Вейнингера, Т. Парсона, В. Татаркевича, М. Оссовской, Я. Морено, Э. Фромма, И. Кона и даже А. Фореля, Ван де Вельде и Кинси»* [6, с. 195]. Обратим внимание, что в СССР некоторые из указанных авторов были изданы лишь в годы перестройки, т. е. примерно через 15-20 лет после описываемых событий, — однако в библиотеках Литвы ещё можно было найти эти книги, изданные в «буржуазный период» до 1940 г. Более того, через библиотеку ей было доступно полное собрание сочинений Юнга, изданное в 1929 г. на русском языке в Швейцарии (тогда как в библиотеках других советских республик из всех работ Юнга можно было найти от силы тоненькую брошюру с X главой «Психологических типов»).

Какова была цель изучения этих трудов? Снова цитата: *«Не было случайностью и то, что я, ради того, чтобы разобраться в основе основ человеческих отношений, изучила экономику. Благодаря чему и сумела понять, что в межчеловеческом общении, кроме экономических, присутствуют еще какие-то, не менее строгие закономерности, в которых я и старалась всю жизнь и со всем усердием разобраться. Основное, чего я не понимала, это желания каждого быть добрым, отзывчивым, добродушным и откуда-то появляющаяся раздраженность и злобность. Каждый хочет одного и того же, и каждому в этом мешают другие. Но почему? Какой же механизм мешает всеобщему взаимопониманию и доброжелательности?»* [6, с. 194]. Ответ на вопрос, откуда берутся конфликты и в чём секрет гармонизации отношений, А. Аугустинавичюте искала и нашла именно в работах психологов.

К тому времени уже было предложено несколько десятков возможных способов классификации психологических различий между людьми (обзор различных классификаций приведен в [7]) и создавалась экспериментальная база для обоснования данных различий [29 и др.]. Более того, психологами предлагались и возможные варианты моделирования отношений между типами людей. Наиболее известны гипотеза о «совместимости темпераментов» по Айзенку и во многом сходная гипотеза Акофф и Эмери [1]; менее известен, к примеру, довольно оригинальный подход отечественного исследователя Вагнера, предлагавшего отождествить типы людей с ролями в животной стае и соответственно моделировать отношения (см. ссылку в [7]). Поэтому соционика возникла вовсе не «с чистого листа», а на базе исследований многих десятков и даже сотен лет.

На фоне некоторых классификаций, созданных к тому времени, типология Юнга выглядела достаточно «сырой». Юнг лишь на словах декларировал «эмпиричность» своих типов, на деле же не опубликовал ни строчки об экспериментальном подтверждении их существования). Однако экспериментальная психология зародилась лишь в 1879 г. (с опытов Вундта), преобладал описательный подход, а имевшиеся концепции (например психоанализ Фрейда) были чисто умозрительными и не могли быть в то время ни подтверждены, ни опровергнуты. Юнг, скорее, упорядочил уже довольно приличный массив разрозненных данных о «душевных свойствах», накопленных к тому времени, однако не ограничился лишь классификацией — он показал, как *развитие одних свойств происходит за счёт других*. Заметим, что лишь в 1942 г. Грей и Уилрайт подтвердили экспериментально, что *некоторые* из юнговских дихотомий действительно могут являться дихотомиями [цит. по 28]. Среди социоников их работы практически неизвестны, дихотомии лишь постулируются, что не может не вызывать недоверие у посторонних читателей.

В то время, как многие психологи искали (и посейчас ищут) свой философский камень под названием «всесторонне гармоничная личность», Юнг затронул проблему *компенсации* одних психологических функций другими, благодаря чему именно его типология и легла в основу теории интертипных отношений А. Аугустинавичюте.

Почему же «соционика — новая наука»? Так пишет сама Аугустинавичюте, эта же

идея проходит в подавляющем большинстве, если не во всех ранних соционических работах [10, 22 и др.].

Причины две. Первая: в те годы **было модно** называть «новой наукой» любую дисциплину, не входившую в тогдашние рамки традиционных представлений. Вспомним, что 1960 — 1980 гг. — это так называемые годы «научно-технической революции». Сейчас мы уже привыкли к бурному росту новых знаний, для тех же лет он казался просто оглушительным. Все знают, насколько престижной и даже материально выгодной была лет 40 назад профессия физика — примерно так же, как сейчас профессия банкира. Многие новые открытия того времени никак не вменялись в рамки традиционных дисциплин, а иногда лежали на их стыке — как, например, биофизика, бионика, социология, кибернетика и т. д. Учёные стремились поскорее исследовать и застолбить новые области знаний, вопрос же об их статусе откладывался на потом.

Вторая: «несвоевременность» соционики.

Вспомним, что гуманитарные знания оформились в науки позже знаний естественных по той причине, что раньше нишу первых полностью занимала религия. Затем в XX веке в СССР на место религии пришла официальная идеология государства. Ясно, что влияние идеологии на гуманитарные науки было намного сильнее, чем на физику или биологию. Вопрос о «марксистской физике» после 30-х годов, практически не ставился — здесь демагогам быстро указали их место, в биологии лысенковщина сдала позиции гораздо позже — уже к шестидесятым годам. Но в психологии дело обстояло намного хуже — здесь практически каждый вопрос затрагивал ту или иную сферу официальной идеологии, поэтому и давление идеологов было особенно жёстким. Характерно, что психологические факультеты начали появляться лишь с шестидесятых годов и отпочковывались они в большинстве случаев от философских факультетов, где марксизм-ленинизм учили от первого до последнего курса.

Мы не случайно вспомнили печально известного Лысенко. Вспомним, что для того важнейшим фактором в биологии было воздействие среды. «Перевоспитать», согласно взглядам Лысенко, можно было и ольху — в берёзу, и рожь — в пшеницу. И можно сказать, что в советской психологии пятидесятых-шестидесятых годов сторонники Лысенко взяли реванш за поражение в биологии. Согласно учебникам психологии тех лет, человек с его индивидуальными особенностями представлял собой ничто по сравнению с воздействием среды и общества, которое якобы определяло в его характере решительно всё. Некоторое время психологическую типологию («характерологию») вообще объявляли лженаукой [15]. Затем возобладала более мягкая позиция школы А. Н. Леонтьева: «Личность — продукт приспособления к среде» [17]. Начались массовые исследования индивидуальных различий, в которых особая заслуга принадлежала школе Б. Г. Ананьева [3]. Тем не менее, такие исследования по-прежнему находились на периферии официальной психологической науки. Более того, проблема типов (а не только индивидуальных различий) вообще была оттеснена в область психиатрии: типы рассматривались как отклонения от «золотой середины», от «всесторонне и гармонично развитой личности».

В течение 70-80-х годов в советской психологии прошёл ряд дискуссий о роли социальных и врождённых факторов в психологии личности, в которых сторонники «социального» подхода, в частности ныне здравствующий А. А. Бодалев, не стеснялись в достаточно жестких высказываниях и ярлыках (подробно об этих дискуссиях см. [7]). За их спиной была марксистско-ленинская идеология — последний довод во всех спорах тех лет.

Пережитки «психологической лысенковщины» того времени сохраняются и до сих пор. А во многих психологических факультетах в России социальная психология изучается по учебнику Г. М. Андреевой [5], в последней редакции которого уже исключены идеологические пассажи, однако роль типологии личности в межличностных отношениях даже не рассматривается; согласно этому учебнику, в отношениях между людьми всё, как и учил марксизм-ленинизм, определяет среда и социальные факторы; и точно так же характер формируется обстоятельствами жизни, а психическая конституция находится где-то на самом

заднем плане. Как наиболее одиозный случай можно привести учебник для *медицинских вузов* (!!!) [31], где идеи Лысенко восхваляются вполне открыто.

Обо всех этих «подводных течениях» в советской психологии Аугустинавичюте могла просто не знать. Поэтому для неё как гром среди ясного неба прозвучал шквал разгромных рецензий во всей литовской республиканской прессе на её статью в научно-популярном журнале [35]. Это выглядело примерно так, как если бы в наши дни статью в тамбовской городской газете взялся критиковать лично президент Путин.

Собственно, в той ситуации у социоников не оставалось выбора — если официальная психология от них отвернулась, то и они могли не тратить зря время на реверансы в её сторону. Отдельная наука — так отдельная наука!

Положительным результатом было то, что соционика избавилась от идеологического балласта довольно рано. Отрицательным — то, что у многих социоников в те годы выработался, а у иных и не прошёл до сих пор «комплекс диссидента» по отношению к научным учреждениям вообще. Чего греха таить, 80-90-е годы. в соционике — это время, когда в работах допускалось довольно много голословных (и далеко идущих) утверждений, из которых делались не менее далеко идущие выводы; термины «теория», «открытие» и даже «закон» употреблялись с чрезвычайной лёгкостью, не подкрепляясь при этом (хотя бы!) экспериментальными данными.

Но факты говорят о том, что на сегодня такой подход уже активно изживается. Косвенное свидетельство тому — письмо в «Соционическую газету» А. Зайцева [12], где тот жалуется на активное «онаучивание» (!) соционики: нет, дескать, прежней свободы, когда можно было безнаказанно типировать «на глазок», не боясь того, что твой диагноз будет подвергнут сомнению «непосвященный». В то же время, разделы по соционике вошли в ряд учебников для вузов [14, 27 и др.], проблемам соционики посвящён ряд психологических монографий [9, 28] и публикаций в профессиональных психологических изданиях (здесь сошлёмся только на наши публикации — [21, 38], в действительности же их на порядок больше). Сдержанно-положительный отзыв о соционике содержится в книге известного специалиста по экспериментальному исследованию личности А. Г. Шмелёва [32].

Характерно, что среди упомянутых выше соционических авторов, ранее основывавших свои взгляды на убеждении, что соционика — это одно, психология — другое, многие в конце концов пришли к мнению, что нет смысла проводить такое жесткое разделение [25 и др.].

С другой стороны, и на психологических факультетах ситуация изменилась. Марксизм-ленинизм уже не давит на мысль, как единственно верная методология. Более того, российские психологи находятся в активном поиске новой методологии, а потому интерес к новым направлениям, особенно оправдавшим себя на практике, достаточно высок.

И всё же, если исторические корни разногласий постепенно изживаются, диалог всё ещё затруднён из-за ряда других проблем.

Терминология: мы учились в разных школах

Как ни странно, критические публикации в адрес соционики со стороны представителей других направлений психологии за последние 20 лет нам просто неизвестны. С некоторой натяжкой можно к таким публикациям отнести книгу «Ваш психологический тип» [23], авторы которой, не вдаваясь в детали, отозвались о соционике довольно пренебрежительно. Вопрос: а заслуживают ли авторы ответа на свою «критику»? При знакомстве с их книгой мы сделали удивительное открытие — почти полное совпадение её текста с книгой Д. Кирси «Пожалуйста, пойми меня» [37]. Впрочем, детективная история на этом не заканчивается, а лишь начинается. Поскольку всего два года спустя после выхода книги один из её авторов, К. Павлов, опубликовал её же в Киеве, но уже только под своим именем [24].

Тем не менее, сошлёмся на критические работы двух бывших социоников — В. О. Леонтьева и И. В. Ямайкиной [18, 34], в которых достаточно ярко отражена одна из проблем диалога с другими школами в психологии — *различная терминология*.

По мнению В. Леонтьева, неправомерно относить интуицию и логику к двум различным дихотомиям, поскольку это — две различные формы мышления.

Ямайкина идёт ещё далее и предлагает переименовать соционические дихотомии. Дихотомии «интуиция — сенсорика» она даёт новое название «интуиция — логика», а дихотомии «логика — этика» — название «рациональность — сенсорика».

Если понять, что стоит за подобным предложением, то оно не так и абсурдно. А за этим, очевидно, стоит знакомство авторов, во-первых, с тестом Кеттелла, хорошо известным многим практикующим психологам, во-вторых, с работами по асимметрии полушарий головного мозга.

Тест Кеттелла известен в нескольких переводах. Одна из шкал теста называется «практичность — воображение», или, в другом переводе, как раз «логика — интуиция». Анализируя содержание этой шкалы, нетрудно заметить, что «воображение» можно приблизительно приравнять к соционическому признаку *интуиция* (хотя Юнг от такого толкования отмежёвывался [33]). С «практичностью» всё не так однозначно: судя по заложенным в нём характеристикам, признак Кеттелла находится *на пересечении* двух соционических признаков, — *сенсорики* и *логики*.

Ясно, что если сравнивать между собой две группы — сенсориков-логиков и интуитов-логиков — по принципу соотнесения их мышления с потребностями «здесь и сейчас», то ясно, что вторая группа по жизни довольно часто будет зарабатывать ярлык «фантазёров», так что первая на её фоне будет выглядеть более логичной. И если пользоваться таким, *отличным от соционического критерием логики* (чем меньше «фантазий» — тем, дескать, больше логики), то ясно, что в других двух группах соционических типов, сенсориков-этиков и интуитов-этиков первая будет «более логичной».

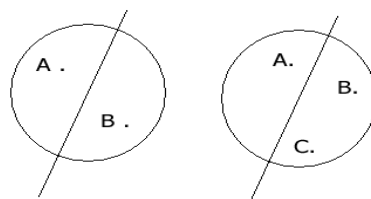
Как видим, используя различные степени приближения, мы можем получить несколько принципиально разных смысловых наполнений всего-то двух терминов: *логика* и *интуиция*.

И точно так же названия человеческих качеств, свойств человеческого характера лишь приблизительно можно приравнять к абстрактным дихотомиям. Как химические элементы редко встречаются в чистом виде — гораздо чаще в виде соединений — так и человеческие качества редко отвечают только лишь одной какой-либо дихотомии, введенной тем или иным психологом. Эта проблема уже затрагивалась нами ранее в обзоре представлений социоников о темпераментах [20]: «выхватывая» те или иные фрагменты из описаний классических темпераментов Галена-Гиппократы, различные соционики приравнивали их к различным комбинациям соционических признаков. И каждое из подобных сопоставлений было по-своему верно *с той или иной степенью приближения*.

Проблема состоит в том, что слова человеческого языка не очень-то приспособлены для отображения абстрактных моделей. Любой термин вводится с некоторым приближением. Это не значит, что соционики должны отказаться от своих терминов и заменить их какими-либо другими. Но это значит, что при диалоге с представителями других направлений нужно обязательно определиться, какой смысл вкладывает в эти термины собеседник.

А также — что не менее важно — в то, какими методами получены данные определения. Поскольку даже понятие «дихотомия» может иметь принципиально разное смысловое наполнение.

В психологии достаточно распространены эмпирические методы. И если психолог вводит какую-либо дихотомию, то обычно это происходит следующим образом:

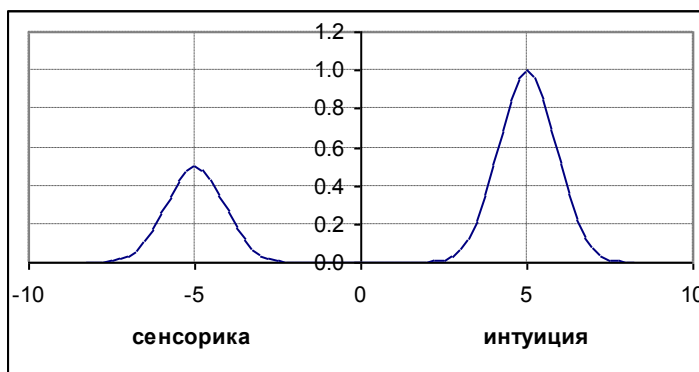
где окружность представляет собой некое множество людей, к которым считается примени-

мым данный критерий, а А и В — сочетания черт характера, достаточно сильно отстоящие друг от друга в пределах данного множества.

Ясно, что при таком подходе прямая, разделяющая окружность, является лишь условной границей, равноудаленной от двух точек А и В, и что такой подход допускает различные переходные варианты — «ближе к А, чем В», или наоборот. Более того, на второй окружности изображена точка С, достаточно далеко удаленная как от А, так и от В. В этом случае можно говорить о некорректности применения дихотомии А — В.

Действительно, в психологии подавляющее большинство критериев являются именно такими — допускающими различного рода переходные варианты. Подавляющее большинство используемых в психологии тестовых методик дают распределение результатов по Гауссу — т. е. когда наибольшее количество попаданий приходится на средние значения и наименьшее — на крайние [4].

В соционике же **формально** используется другой подход — двоичные признаки по принципу да/нет, когда между двумя половинами дихотомии переходные формы просто не допускаются. Такие факторы в природе действительно существуют — например пол, мужской или женский. Однако проблема состоит в том, что такую природу соционических признаков нужно еще доказать. Упомянутые нами выше Грей и Уилрайт сделали лишь первый шаг в данном направлении, замерив по отдельности сенсорику и интуицию, экстраверсию и интроверсию и т. д. и обнаружив между данными факторами отрицательную корреляцию.

Однако, как они — 60 лет назад, так и мы сейчас всё ещё слабо представляем себе природу соционических признаков, по большей части используем для их описания аналогии. Это приводит к тому, что фактически для определения типов используются внешне наблюдаемые критерии — поведения, мимики и т. д., каждый из которых распределяется вполне по Гауссу.

Противоречия здесь нет! Речь идёт о том, что если замерять по отдельности, например сенсорику и интуицию, каждый из этих параметров может давать вполне гауссово распределение (см. рис.). А вот что произойдет при объединении данных параметров: новый «гауссов горб» (привычный для большинства психологов), или же «двугорбое распределение» (которое получили Грей и Уилрайт, и которое предполагается в соционике) — это нужно выяснять экспериментально.

Ясно, что этот спор не может быть разрешён, если не знать механизмов психики, стоящих за соционическими признаками. Такие механизмы могут быть обнаружены в головном мозге. Поскольку в 1960-е гг. весьма популярной темой психологических исследований была функциональная асимметрия полушарий мозга, не остались в стороне от этой проблемы и соционики. Однако мнения социоников по поводу распределения соционических функций и признаков между полушариями мозга сильно различаются:

Полушарие:	Левое	Правое
Васильев, Рамазанова, Богомаз [9]	Интуиция, логика	Сенсорика, этика
Гуленко [10]	Сенсорика, логика	Интуиция, этика
Ермак [11]	Рациональность	Иррациональность
Иванов и др. [13], Таланов и др. [28]	Распределение соционических функций в участках мозга не сводится к полушарной асимметрии	

Откуда такие взаимоисключающие расхождения? И здесь мы опять возвращаемся к проблеме различной степени приближений. При желании содержание качеств, приписываемых тому или иному полушарию мозга (а также тем или иным его участкам), можно приблизительно приравнять к той или иной соционической дихотомии. Но это будет не ответ, а уход от ответа на вопрос о природе соционических типов.

Подобным же образом — путём приблизительного приравнивания — возникла и дихотомия от Ямайкиной «рациональность — сенсорика» (напомним, по её мнению, она призвана заменить соционическую дихотомию «логика — этика»). Но ведь ещё в предыдущей статье [19] мы писали о том, как перед Юнгом стоял вопрос о смысловом отделении *сенсорики* (Empfindung) от *переживаний* (Gefühl) — и в русском языке, и в немецком, и в английском есть термин «чувство», в той или иной степени затрагивающий оба явления. Ничего в этом удивительного нет — очевидно, он также образован на пересечении нескольких факторов. Неслучайно «социальные» типы (сенсорика-этики) в соционике нередко рассматриваются как типы с наиболее развитой чувственностью (в общечеловеческом смысле).

Довольно сильны различия в толковании термина «экстраверсия — интроверсия». В психологии он уже давно получил распространение, однако — и это важно! — не в том толковании, что было изначально у Юнга, и тем более не в том, что используется в соционике, а согласно двум другим авторам — Леонгарду [16] и Айзенку [36], мнения которых, кстати, не во всём согласуются друг с другом.

Рассмотрим сначала толкование Леонгарда:

Экстравертированный человек больше обращен в сторону восприятий, чем представлений. Такой человек легко поддается влиянию окружения, стимулам извне, постоянно ищет новых переживаний, любит ходить в кино, смотреть телевизионные передачи. Он отлично чувствует себя в оживленном обществе, где получает сразу множество впечатлений и богатую информацию, и с удовольствием проводит время с приятелем, болтая о том, о сём. Среди любимых занятий таких людей следует отметить спорт, в котором они либо активно участвуют сами, либо с увлечением отдаются спортивному зрелищу (...) Экстравертированная личность нацелена прежде всего на занимательные переживания, а вовсе не на то, чтобы обогатить свои знания и свой внутренний мир впечатлениями нового.

При некоторой поверхностности мышления все, поступающее извне, не подвергается особому анализу. Это обуславливает подверженность чуждому влиянию и легковерие. Любое сообщение, последовавшее в категорическом тоне, для экстравертированного лица — бесспорный факт, даже в том случае, когда достаточно хотя бы немного задуматься и сопоставить факты, чтобы возникли сомнения в достоверности информации. Поэтому часто описываемый тип людей становится просто рупором своего окружения.

Все, что они слышат от других, читают, слышат по радио (а для женщин — очень часто высказывания мужа), является для них неопровержимой истиной. Однако их мнения не отличаются стойкостью, поскольку внутренне не перерабатываются. Поэтому новое сообщение, заключающее иное освещение фактов, легко может все опрокинуть в их сознании.

А вот что он пишет об интроверсии:

Интровертированная личность живет не столько своими восприятиями и ощущениями, сколько своими представлениями. Поэтому внешние события как таковые влияют на жизнь такого человека относительно мало, гораздо важнее то, что он о них думает. В большинстве случаев интровертированный человек приходит к объективно правильным умозаключениям: он не связан впечатлениями момента, он учитывает то, что ему подсказывают его прежние представления, его жизненный опыт. Известная степень интровертированности вырабатывает способность к правильным суждениям. Но если данная акцентуация сильно выражена, то личность все более отдаляется от действительности и в конечном итоге настолько погружается в мир своих представлений, что объективно принимает в расчет воспринимаемое все меньше.

Какие-то отдельные, слабо заметные черты соционического признака «экстраверсия

— интроверсия» в этих описаниях найти можно. Однако гораздо сильнее экстраверсия по Леонгарду коррелирует с соционической «этикой», а интроверсия — соответственно, с «логикой». Кроме того, определённую корреляцию можно найти также с признаками рациональность — иррациональность, сенсорики — интуиция, а также с факторами, вовсе к соционике не имеющими отношения (например, увлечение спортом).

Достаточно сильно отличаются от соционических и представления Айзенка. Последний ассоциирует экстраверсию с общительностью, энергичностью, активным получением новых впечатлений из окружающей среды, тогда как интроверсию — с замкнутостью, ориентацией больше на собственное мнение, чем на среду. Здесь корреляция ещё более размыта: экстраверсия коррелирует с сочетанием соционических признаков экстраверсии, сенсорики и этики, тогда как интроверсия — с сочетанием интроверсии, интуиции и логики. Ясно, что соционические типы, у которых встречается иная комбинация признаков — например ЛСЭ или СЭИ — по Айзенку будут не совсем экстравертами, но не вполне и интровертами. Для такого вывода не обязательно знакомство с соционикой — и так видно, что предложенные Айзенком полюса вполне соответствуют ситуации, изображённой нами на рисунке. Поэтому-то по типологии Айзенка достаточно большое количество людей получается «амбивертами» (полуэкстравертами-полуинтровертами).

На самом деле, в подобном расхождении между представлениями Айзенка, Леонгарда и соционикой нет ничего удивительного. Поскольку ещё у Юнга описание данного признака довольно противоречиво. Можно предположить, что Юнг, считавший себя интровертом, интуитом и логиком, внес в описание интроверсии также некоторые особенности интуиции и логики, а в описание экстраверсии — также некоторые черты сенсорики и этики. Поскольку данные двоичные признаки — довольно абстрактны, то отфильтровать один от другого — задача трудоёмкая. Разумеется, читая описания конкретных психологических типов Юнга [33], при желании можно уточнить, что он понимал под интроверсией, что — под интуицией и т. д. Но не исключено, что Айзенк и Леонгард восприняли такую детализацию **не как уточнение, а как искажение** первоначального понятия. Что ж, они имели на это право — они ведь не собирались использовать остальные юнговские дихотомии, и, со своей точки зрения, просто отсекали лишнее.

Итак, мы увидели, что термины, используемые в соционике, могут иметь в других психологических направлениях совсем другое содержание. Причем **проблема терминологии — это проблема отношений между эмпириками и теоретиками**. Насколько у эмпириков всегда есть соблазн «перевести» теоретические понятия на «бытовой» язык, настолько у теоретиков есть противоположный соблазн — проигнорировать «излишние детали», ради красоты умственной конструкции «отсечь лишнее», в результате чего и получается, что один и тот же термин у разных теоретиков используется во взаимоисключающих смыслах.

Однако подобные терминологические споры существуют и между различными направлениями в психологии — причём о терминах гораздо более глубинных, например «личность» [2]. Существуют подобные трения и внутри соционики, между различными школами. Разве это повод отделять соционику от психологии? Скорее, это повод вспомнить распространённый в научной среде афоризм неизвестного автора: **разногласия между школами сами собой сходят на нет, если эти разногласия можно измерить**.

Профессионализм

И в этом разделе мы перейдём к довольно болезненной для многих социоников теме. Можно сколько угодно обвинять психологов в предвзятости, в нежелании понимать, в использовании «неправильных терминов». Но встречное обвинение психологов будет довольно серьёзным — в отсутствии у большинства социоников профессиональной психологической подготовки. Такая подготовка предусматривает не только некоторый объём знаний, которые можно почерпнуть из книг и самостоятельно, но и соблюдение целого ряда критериев профессиональности в своей работе.

В частности, в психологии не принято переваливать проблему диагностики на плечи

клиента. Более того, клиент может (и вправе) вовсе не знать, какой диагноз поставил ему психолог; критерием правильности диагноза является адекватность действий психолога по разрешению проблемы, существующей у клиента.

Ведь психолог обязан быть максимально объективен, его не должны связывать с клиентом личные отношения, он не должен быть эмоционально вовлечен в ситуацию. Это как хирурги, например, не оперируют своих близких. В одном из кодексов психологов даже четко зафиксирован пункт «Психолог не должен иметь со своим клиентом интимных отношений».

В то же время, в процессе определении проблемы, волнующей человека, психолог должен постоянно спрашивать, правильно ли он понял проблему. Есть некий алгоритм работы. Например, клиент рассказывает, психолог: «Правильно ли я понял, что...» Если «нет», то клиент объясняет ситуацию снова. Если «да», то «Это все проблемы, которые Вас волнуют?» (т. к. проблема может заключаться не в том, что человек говорит). Затем идет работа с конкретной проблемой. Так что клиент тоже немного участвует в постановке диагноза. Отличие позиции психолога от врачебной состоит в следующем. Позиция врача: «Я знаю, что для тебя лучше!», в психологическом консультировании это не так. Психолог — не врач, который дает рецепт. Взаимодействие психолога и клиента может привести к разрешению ситуации. С этим связана проблема ответственности. Человек, приходящий к психологу, ждет готового решения проблемы и, как правило, своим приходом желает снять с себя ответственность за ситуацию. Клиент часто воспринимает поход к психологу как врачебную консультацию: сейчас выпишут точный рецепт, скажут, что же делать и т. д. Но в людских проблемах такого не бывает. Поэтому психолог старается возложить ответственность за разрешение ситуации обратно на клиента. Он может помочь что-то спокойно проанализировать, обдумать, посмотреть на ситуацию шире, незамысленным взглядом, объективно. Обычно придумывается несколько способов поведения (хорошо, если от 5), даже необычных, нестандартных. «Давайте подумаем, что можно сделать...» Но какое решение выберет клиент — это его личное дело, его личная ответственность, психолог не должен его навязывать.

В соционике изначально было распространено широкое обсуждение друг с другом вопроса, кто к какому соционическому типу относится [30]. Для начала — чтобы определиться с общим пониманием типов, выработать единую терминологию, затем это просто перешло в привычку. Само по себе частичное ознакомление клиента со средствами терапии ещё не является нарушением этики — в конце концов, клиент вправе знать, что это за средства. Однако клиент вполне мог ранее тоже почерпнуть какие-либо сведения из книг, и тогда между ним и социоником-консультантом возникает спор. Причина спора вполне может быть той, что мы обрисовали в предыдущем разделе, — различное понимание терминов. На этом этапе у ряда социоников возникает соблазн навязать клиенту свой диагноз, если он расходится с представлениями клиента. И не только клиента: читателям, думаем, известны примеры, когда на соционических конференциях «гуру» занимались перетипированием друг друга.

Данная проблема — это неизбежный результат того, что в соционике изначально преобладали и до сих пор преобладают *логические* типы. Логику легче диагностировать что-либо, чем убедить в этом собеседника на «собственном языке» последнего. Отсюда же — ещё один результат: довольно значительное число последователей восприняло соционику как заменитель психологии, позволяющий не заниматься неинтересной «гуманитарщиной», а вместо этого строить умные диаграммы и схемы.

Это — ошибка! В психологии, как среди классиков (к примеру, А. Н. Леонтьев, В. А. Ганзен), так и среди известных современных исследователей (В. М. Аллахвердов, Ю. Б. Гиппенрейтер, Р. М. Грановская и др.) довольно часто встречались и встречаются представители *логических* типов. Что, однако, не помешало им добиться успеха далеко не только в теории, не только в таких «логических» вопросах, как, например, методология психологического исследования, но и давать в своих работах вполне успешные практические рекомендации.

Поэтому, когда иные соционики жалуются на непризнанность, непонимание со сто-

роны представителей других школ, для многих психологов подобные жалобы выглядят странными. Ведь соционики утверждают, что открыли законы совместимости и понимания между людьми, соционика располагает таким мощным инструментом, как знание сильных и слабых сторон типов — почему бы не воспользоваться этим знанием, чтобы убедить нужных людей?

Здесь, видимо, проблема в том, что соционики по инерции продолжают наступать на те же грабли, на которые не раз наступали в прошлом. Вспомним, как это было лет 10-20 назад. Приходит соционик (скорее всего, интуит и логик) к психологу и начинает с жаром убеждать его: вот, у меня есть новое потрясающее знание, намного лучшее, чем то, что есть у вас! Тут он сразу допускает несколько грубых ошибок. Во-первых, «лучше, чем у Вас» — значит, психолог все эти годы тратил свои силы на бесполезные занятия? Грубо, но именно подобные мысли в голове психолога и возникают. Во-вторых, как известно, новизна и оригинальность ещё не гарантируют качества. Что же касается хвалебных эпитетов... С высоты сегодняшних лет приходится признать — в то время соционические знания находились еще в зачаточном состоянии, в виде, достаточно далеком от возможности практического применения (одно из свидетельств тому — факт, что ни один из социоников не пользуется сегодня в практическом типировании описаниями от А. Аугустинавичюте).

Ясно, что соционик получал почти гарантированный от ворот поворот, и начинал думать, что нарвался на заклятого консерватора, не желающего принимать новые мысли.

Не следует забывать, конечно, что среди психологов, как и среди представителей других наук, существует конкуренция. Она существовала и в советские годы, а в последнее время заметно обострилась — это неизбежная расплата за сверхвысокую популярность психфаков начиная с 1990-х гг., когда психологов готовилось в несколько раз больше, чем существует реальных возможностей их трудоустройства по специальности. И опять же, с характерным интуитивно-логическим идеализмом многие соционики или недооценивают данную конкуренцию, или — испытав на себе её действие — наоборот, переоценивают, начинают всюду видеть козни ретроградов.

Хотя решаются подобные проблемы достаточно просто. Если соционик настроен на сотрудничество с конкретными психологами, надо: а) знать, что это за люди; б) хорошо ознакомиться с теми проблемами, которые они исследуют; в) наконец, хорошо понимать их интересы (а узнать о людях, общаясь с их окружением, можно много). После этого сформулировать свои предложения уже с учетом индивидуальных особенностей людей, с которыми придется иметь дело.

Однако такая кропотливая подготовительная работа иным интуитам-логикам кажется излишне скучной. Более того, даже прекрасно зная о собственных слабых функциях, не все задумываются о том, что ошибки были допущены где-то в их области, что необходимы связанные с этими функциями действия (по поводу конкретного содержания таких действий запросто можно посоветоваться и с дуалами), а вместо этого могут продолжать ломать голову: «Где я допустил ошибку в своих рассуждениях? Быть может, я просто должен изложить свою статью логичнее — и меня поймут?». Что всего забавнее — подобные интуитивно-логические комплексы, связанные с непониманием со стороны психологов, нередко свойственны и тем соционикам, которые относятся к сенсорным и/или этическим типам — настолько сильно влияние устойчивого стереотипа.

Проблемы методологии

И всё же, главная ошибка многих социоников в том, что для них до сих пор все психологи как бы на одно лицо. Уже почти изжито желание отделять себя от психологии, но пока что нельзя сказать, что соционики хорошо знакомы со всем разнообразием проблем и подходов современной, да и не совсем современной психологии. Даже несмотря на то, что в различных соционических публикациях то и дело рассматриваются и анализируются взгляды тех или иных психологов, проводится сопоставление их взглядов с соционическими идеями.

Мы рекомендуем соционикам прочесть достаточно увлекательное исследование В. М. Аллаhverдова о современных методологических проблемах отечественной психологии [2]. В силу своей молодости психология ещё находится в процессе становления, и нередко получается так, что результаты, полученные одними методами, противоречат результатам, полученным другими методами. Это неудивительно — психологические исследования то и дело вторгаются в области других, смежных дисциплин — биологии, медицины, психиатрии, социологии, даже информатики. Редкий специалист одинаково глубоко знаком с ними со всеми.

Более того, некоторые известные психологи (в частности, академик Н. Бехтерева) в последних своих публикациях высказывают взгляды, которые можно назвать близкими к мистике. Это неудивительно — в условиях методологического разброда всегда существует соблазн обратиться к интуиции, к озарению, как к единственно надёжному методу. Проблема только в том, что интуиция в науке помогала лишь формулировать гипотезы. Интуиция может помогать лишь постольку, поскольку нечто невозможно пока выразить словами (например, не придуманы ещё такие термины). Но роль интуиции заканчивается, как только начинаются эксперименты.

Но разве не подобная же ситуация существует в соционике? Разве соционика не позиционируется до сих пор как дисциплина, смежная с целым рядом других?

Думаю, что нам, соционикам, важно сделать решительный шаг и избавиться от своего высокомерия; признать, что кто-то другой может быть не менее эрудированным, затрагивать не менее глубокие проблемы. Только в этом случае мы сможем быть уверенными, что не «открываем велосипед», не наступаем на те же грабли, на которые уже кто-то наступил.

Для примера давайте рассмотрим проблему тестирования.

Известно, что в последние годы многие соционические авторы относятся к тестированию весьма скептически, либо призывают вовсе отказаться от тестов и использовать в диагностике прежде всего методы интервью [30]. Нередко, публикуя тест, автор тут же делает оговорку, что до конца его результатам доверять нельзя [10]. В чём же причины неудач соционических тестов?

Самая первая (и можно сказать, самая древняя) из ошибок — представления испытуемого вовсе не должны соответствовать представлениям испытателя (эта же проблема, как мы писали выше, возникает и при практическом консультировании). Пример: если составитель теста отнес какие-то вопросы к «логическим», а какие-то — к «этическим», то вовсе не факт, что испытуемый, будучи «логиком», ответит «да» именно на логические вопросы. У него могут быть свои критерии — даже если он четко знает, что именно выявляет тест. «Внутренний язык» испытуемого может сильно отличаться от «внутреннего языка» испытателя!

Весьма характерны результаты, полученные Е. Ю. Петровой при попытке определить типы испытуемых при помощи американского теста Кирси. Она позволила испытуемым комментировать вопросы теста. В результате каждый высказал претензии к тому или иному вопросу, но претензии различных испытуемых противоречили друг другу — один и тот же вопрос одному казался «крайне корявым», «неспособным выявить суть в принципе», другого — наоборот, вполне устраивал.

Нередко само непонимание сути вопроса уже служит определенным показателем. Вот случай из анекдота: на вопрос в тесте «Вы — решительный человек?» возможны три варианта ответа — «да», «нет», «не уверен». Ответивший «нет» получается более решительным, чем тот, кто выбрал якобы «промежуточный» вариант!

Как замерить непонимание сути вопроса? Как обеспечить валидность теста (т. е. уверенность, что тест измеряет именно то, что и должен измерить)? Все эти вопросы уже исследованы в психологической литературе довольно подробно. Пришла уже пора создавать в соционике профессиональные тесты, иначе соционика все время будет оставаться открытой для упрека в необъективности представлений о типах, которые «непонятно как измеряются». По своей сути даже метод интервью ненамного отличается от «бумажного» тестирования, просто более свободна форма изложения испытуемым своего мнения — но, с другой сторо-

ны, более свободны и критерии экспериментатора, что подразумевает более высокую степень субъективности.

В качестве встречной критики к «несоционическим» психологам заметим: нельзя сказать, что плохие тесты в психологии совершенно изжиты. Мало того — во времена «методологического разброда» девяностых годов психологами, в том числе весьма известными, было выпущено немало книг с весьма низкопробными опросниками из нескольких десятков вопросов — ничуть не лучше, чем упомянутые выше ранние соционические тесты.

Однако и профессиональные тесты, используемые современными психологами (не только российскими), нередко намного отстают от последних достижений в разработке методов тестирования [4] — таковы тест Кеттелла, MMPI и даже хорошо известные соционикам опросники Майерс-Бриггс и Кирси.

Рассмотрим для примера весьма популярный ныне тест Сонди, созданный в начале XX века (сейчас используется его версия, адаптированная известным питерским психологом Л. Н. Собчик [26]). Испытуемому предлагается набор фотографий на редкость плохого качества (все они сделаны в конце XIX века), и предлагается рассортировать их по степени отвращения — от наиболее до наименее неприятной. Испытуемый, как правило, не знает, что каждая фотография сделана с человека, страдающего определенным извращением или психическим заболеванием — паранойя, шизофрения, гомосексуализм (который тогда также относили к психическим заболеваниям) и т. д. Исходя из степени отвращения, делаются определённые выводы об испытуемом.

Прекрасно зная об уровне представлений психиатров начала XX века, можно задать вопрос — а почему за эти годы в тесте не произошло изменений по сути? Например, можно было сделать более качественные фотографии, даже цветные, с современных пациентов, чтобы валидизировать тест по современным данным. Проблема в том, что никто этим не хочет заниматься. Здесь срабатывает консерватизм — ведь если модифицированный тест будет давать совсем иные результаты, это покажет ложность или некорректность критериев, положенных Сонди в его основу, — а ведь на основе теста Сонди уже защищено немало диссертаций...

Вызывает нарекания не только данный тест. На съезде психологического общества в Санкт-Петербурге (2003), где присутствовали и мы, делегаты из разных городов, не сговариваясь, подвергли критике тест Стреляу, который хотя и выясняет НЕЧТО, но вовсе не то, что он должен был выяснить, — иными словами, тест *может быть невалиден*.

Вывод: в области тестирования, как и вообще в области методологии, предстоит сделать еще очень много. И проблемы перед социониками стоят абсолютно те же, что и перед представителями других направлений в психологии. Есть ли смысл от них отворачиваться, когда вместе можно эффективно сотрудничать?

Думаем, что следует изживать «комплекс диссидента». Как мы показали выше, когда-то разрыв с официальной психологией был вполне оправданным и даже сыграл свою положительную роль, — но сейчас ситуация совершенно иная. Нужно избавляться от подобных комплексов и искать общий язык с коллегами. Для тех же, кому этот комплекс изжить не удастся, существует реальная опасность утратить авторитет, ещё вчера достаточно высокий. Ведь в последние несколько лет в соционику пришёл довольно массовый приток сторонников, многие из которых уже имеют психологическое образование, следовательно, намного повысились и требования к качеству соционического исследования.

В заключение отметим, что Институт биологии и психологии человека в Санкт-Петербурге готовит в 2004 г. совместную научно-практическую конференцию по вопросам применения соционических методов в управлении, где предполагается участие представителей и ряда других направлений в психологии. Сотрудничество налаживается, и нужно его развивать!

Л и т е р а т у р а :

1. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. — М.: 1974.
2. Аллахвердов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. — СПб: «Речь», 2003. — 368 с.

3. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — М.: 1977.
4. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. — СПб: «Питер», 2002. — 688 с.
5. Анореева Г. М. Социальная психология. — М.: МГУ, 1980.
6. Аугустинавичюте А. Соционика. Введение. — СПб.: Terra Fantastica, 1998. — 444 с.
7. Блюмина Т. А. Вековые натуры в семье, школе, обществе. — М.: 1996.
8. Букалов А. В. Соционика — новый этап развития психологии и гуманитарных наук // Психология и соционика межличностных отношений. — 2003. — № 1. — С. 5–7.
9. Васильев В. Н., Рамазанова А. П., Богомаз С. А. Познай других — найди себя. — Томск: 1996.
10. Гуленко В. В. Структурно-функциональная соционика. — ч.1, — К.: 1999. — 187 с.
11. Ермак В. Д. Как научиться понимать людей. — М.: «Астрель», 2003. — 523 с.
12. Зайцев А. Г. Тень от костра // Соционическая газета. — 2003 — № 15 (18): www.socioniko.narod.ru/ru/gazeta.html
13. Иванов Д. А., Опанасенко В. В., Тофан Н. Т. О различной функциональной специализации эмоций в левом и правом полушариях головного мозга и механизме алкогольного воздействия на них // Соционика, ментология и психология личности. — 2001, № 5.
14. История и соционика: Метод социоанализа психологии исторических персонажей. Казан. гос. ун-т, каф.полит.истории, каф.психологии [Сост. Гафаров А.А., Петрушин С.В.].- Казань: КГУ, 1996. - 80 с.
15. Левитов Н. Д. Психология характера. 3-е изд. — М.: 1969.
16. Леонгард К. Акцентуированные личности. — К.: «Вища школа», 1981.
17. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. — М.: 1975.
18. Леонтьев В. О. Соционика и психология // Соционика, психология и межличностные отношения. — 2002. — № 12.
19. Лытов Д. А. Диалог с коллегами: на каких условиях? Ч.1: соционика — типоведение Майерс-Бриггс // Соционика, ментология и психология личности. — 2003. — № 5.
20. Лытов Д. А. Проблема темперамента в соционике // Психология и соционика межличностных отношений. — 2003. — № 7. — С. 43–49.
21. Лытов Д. А. Соционика: от ролевой игры к теории отношений между психологическими типами // Сибирский психологический журнал, Вып. 18. — 2003. — С. 32–38.
22. Мегедь В. В., Овчаров А. А. Отличие методов соционики от психологии // Соционика, психология и межличностные отношения. — 2002. — № 12.
23. Овчинников Б. В., Павлов К. В., Владимирова И. М. Ваш психологический тип. — СПб: «Андреев и сыновья», 1994.
24. Павлов К. В. Ваш психологический тип. — Киев: Кофр, 1996.
25. Плостак Л. Г. От романтики — к практической психологии. В. В. Гуленко в гостях у сайта «Соционические знакомства»: www.socionics.org/interview/int_gulen.html
26. Собчик Л. Н. Модифицированная методика Сонди. — СПб: «Речь», 2002. — 124 с.
27. Столяренко Л. Д. Основы психологии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — 5-е изд., перераб. и доп. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. — 672 с.
28. Таланов В. Л., Малкина-Пых И. Г. Справочник практического психолога. — СПб: «Сова» — М., ЭКСМО, 2002. — 924 с.
29. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. — М., АПН РСФСР, 1961. — 535 с.
30. Удалова Е. А., Бескова Л. А. Уроки соционики, или Самое главное, чему нас не научили в школе. — М.: Астрель, 2003. — 480 с.
31. Черношвитов Е. В. Пенитенциарная медицина (серия «Социальная медицина»). — М.: «Светотон», 2002. — 400 с.
32. Шмелёв А. Г. Психодиагностика личностных черт. — СПб.: «Речь», 2001. — 454 с.
33. Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: «Азбука». — 2001. — 736 с.
34. Ямайкина И. В. Критика соционики // Соционическая газета. — 2003. — № 15 (18): www.socioniko.narod.ru/ru/gazeta.html
35. Augustinavičiūtė A. Informacinio metabolizmo modelis // Mokslas ir technika, Vilnius, 1980, No. 4; русский перевод — Аугустинавичюте А. Модель информационного метаболизма // Соционика, ментология и психология личности. — 1995. — № 1. — С. 4–8.
36. Eysenck H. J. The Scientific Study of Personality. — London, 1952.
37. Keirsey D., Bates M. Please Understand Me. Character and Temperament Types. Gnosology Books Ltd., 1984.
38. Lytov D. Je možné předvídat lidské vztahy? // Psychologie dnes, Praha, 2002, No. 12.

Статья поступила в редакцию 02.12.2003 г.